

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ НАУЧНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

(Г. С. Дестунис)

Становление и подъем русской школы научного византиноведения бесспорно относятся к 70—90-м годам XIX в.¹ и неразрывно связаны с именем первого русского византиниста академика В. Г. Васильевского, деятельностью Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова и их ближайших учеников, выдвинувших наше византиноведение на одно из почетных мест в мировой науке. Быстрый расцвет византиноведения был результатом не только активной ученой и организаторской деятельности плеяды крупнейших византинистов той поры, но в значительной мере стал возможным благодаря, может быть, и не очень заметной, но весьма большой подготовительной работе, которая была проделана учеными предшествующего поколения. И если первым русским ученым, превратившим византиноведение в основную область своих научных занятий и в самостоятельную область русской исторической науки, по справедливости можно считать В. Г. Васильевского,² то он во многом «стоял на плечах» исследователей «подготовительного» периода середины XIX в. Можно вспомнить большую группу ученых этого времени, в той или иной связи обращавшихся к византийской проблематике, специальным экскурсам в византийскую историю. Подъем в России первой половины XIX в.³ изучения древнейшего и средневекового прошлого России, истории славянских, балканских стран, Европы и Ближнего Востока, их связей, характера отношений с Византией настоятельно требовал и более углубленного выяснения самой истории Византии, оценки данных византийских источников, причин и характера ее влияния на развитие связанных с нею стран, выяснения ее места в истории раннесредневековой Европы. Появляется группа ученых, чьи интересы постепенно обращались к проблемам внутренней истории Византии, особенно в Петербурге, Петербургском университете, где быстрое развитие изучения древнейшей и средневековой русской истории, славистики и востоковедения создавало особенно острую необходимость в исследовании истории Византии.

Среди непосредственных предшественников В. Г. Васильевского видное место принадлежит члену-корреспонденту Академии наук Гавриилу

¹ См., например: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 508; Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения в России. *Анналы*, I, Пгр., 1922, стр. 116—117; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 9.

² Очерки, т. II, стр. 513; История Академии наук СССР, т. II, М., 1964, стр. 444—445 и др.

³ Очерки, т. I, М., 1955, стр. 494.

Спиридоновичу Дестунису (1818—1895 гг.), чьи византиноведческие исследования имели «серьезное значение»⁴ и чья деятельность в этой области до сих пор еще не получила должного освещения.⁵ В архивах Ленинграда сохранился комплекс материалов, связанных с научной и преподавательской деятельностью Дестуниса, существенно дополняющий крайне скудные опубликованные сведения о его научной биографии.⁶

Развитие византиноведческих интересов Дестуниса неразрывно связано с историей его семьи. Его отец, Спиридон Юрьевич Дестунис (1782—1848), грек, мальчиком отправленный в Россию, большой знаток и любитель греческого языка и литературы, стал одним из известных наших эллинистов.⁷ Канцлером графом Н. П. Румянцевым ему было поручено составление «эллино-русского лексикона, согласно новейшим успехам филологии».⁸ Будучи консулом в Смирне, Дестунис-старший и практически столкнулся с необходимостью ознакомления с некоторыми материалами византийской истории. Едва ли случайно особое внимание русского консула привлекла «„Ручная книга законов, или так называемое Шести-книжие“, собранное Константином Арменополом». Составленное в XIV в., оно продолжало сохранять свое значение практического судебного руководства в ряде областей почти до середины XIX в.»⁹ Собственная деятельность на территории Османской империи убедила Спиридона Дестуниса в живучести византийского наследия на многих бывших территориях Византии. Это обстоятельство побудило его обратиться и к более внимательному изучению византийских авторов. Научные занятия Дестуниса-старшего особенно разворачиваются после 1826 г., возвращения в Петербург, где он занимается переводом «Жизнеописаний» Плутарха,¹⁰ подготовкой издания Арменопола, а с 1837 г. по поручению Академии

⁴ Там же, т. II, стр. 508.

⁵ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис. (Некролог). ЖМНП, ч. ССХCVIII, 1895, стр. 66—69; В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых шестидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 126, 148, 248; Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869—1894), т. I, СПб., 1896, стр. 233—234; Гавриил Спиридонович Дестунис. Некролог. Визант. вестник, т. II, СПб., 1895, стр. 316—326; В. Бузескул. Изучение истории Византии с 70-х годов прошлого века. Архив АН СССР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 72, стр. 3—4.

⁶ Фонды СПб.—Петроградского—Ленинградского университета в ГИАЛО, Архива АН СССР, Рукописного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдела древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького в ЛГУ. Ряд писем Г. С. Дестуниса, на существование которых любезно указала автору статьи О. А. Белоброва, хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома (ИРЛИ, ф. 507, № 64; ф. 383, № 33; разряд III, оп. 2, № 499; оп. 1, № 1171—1207; ф. 3, оп. 4, ед. хр. 182 и 183; ф. 34, № 225 и 304; Архив А. Н. Майкова, 16.786/С.VIII, б. 1 и 17.077/С.IX, б. 7; ф. 274, оп. 1, № 396).

⁷ Спиридон Юрьевич Дестунис. Некролог. Зап. Одесского общ. истории древностей, т. II, стр. 798—804; Спиридон Юрьевич Дестунис. Русский биографический словарь, т. 5, СПб., 1905, стр. 338—340; Дестунис Спиридон Юрьевич. Историческая справка к описи фонда С. Ю. Дестуниса (оп. 195а Рукописного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 1—3).

⁸ Спиридон Юрьевич Дестунис. Русский биографический словарь, т. 5, стр. 339.

⁹ Этот судебник был затем переведен и в 1831 г. издан Дестунисом по новогреческому венецианскому изданию 1766 г., которое он «сличил и выправил по древнегреческому подлиннику, находящемуся в Императорской Публичной библиотеке» (Русский биографический словарь, т. 5, стр. 339). Кроме того, по-видимому также в связи с деятельностью в качестве консула в Смирне, а затем в Венеции, его внимание привлекла история морского права в Западной Европе (черновая рукопись его большой работы по истории морского права находится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького).

¹⁰ Г. С. Дестунис. Из ученой деятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его перевод сравнительных жизнеописаний Плутарха. Сб. ОРЯС Акад. наук, т. XI, № 5, СПб., 1886.

наук переводом с греческого «Византийских историков».¹¹ Он перевел четыре части из издания *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, Bonnæ, 1831,¹² а также большую часть «Истории войн» Прокопия.¹³ Дестунису-отцу принадлежит и получившая известность обзорная статья «Нечто о византийских историках», в которой он особо показывает значение их сведений для изучения русской истории.¹⁴ Благодаря этой работе С. Дестунис занял определенное место в начальной истории нашего византиноведения.¹⁵

Гавриил Спиридонович родился 16 марта 1818 г. в Санкт-Петербурге. До 1826 г. детство он провел с отцом в Турции и Италии и от него получил интерес к истории «эллинской культуры и литературы» и начальную филологическую подготовку.¹⁶ В университет он поступил в 1834 г. и занимался греческой словесностью. Среди его университетских учителей одно из первых мест, без сомнения, принадлежит крупнейшему ученому-филологу академику Федору Богдановичу Грефе,¹⁷ с именем которого «связано возникновение классической филологии в России как самостоятельной науки».¹⁸ Грефе с 1819 по 1851 г. был профессором университета по кафедре греческой и латинской словесности. Помимо изучения и издания классических авторов, он занимался и ранневизантийскими. Так, им были изданы отрывки из Нонна, вся его поэма «Дионисиака», «Описание Великой церкви» Павла Силенциария и другие произведения позднегреческих писателей.¹⁹ Грефе было обязано своими знаниями целое поколение русских филологов,²⁰ в том числе и Г. С. Дестунис, сохранивший о нем самые теплые воспоминания.²¹

Другим ученым, оказавшим влияние на формирование Г. С. Дестуниса, был выдающийся исследователь классической античности Михаил Семенович Куторга (1806—1886), ставший преподавателем университета в 1835 г. по кафедре всеобщей истории и читавший в 1835—1867 гг. курс древней и средневековой истории, ученый, которого В. П. Бузескул не без основания считал «первым самостоятельным русским исследователем» в области древнегреческой и даже всеобщей истории.²² Куторга обратил особое внимание на строго научный подход к источникам, тщательное изучение и критическое сопоставление их данных, был последовательным сторонником критического метода,²³ который он успешно применял преиму-

¹¹ Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, т. 1—10, СПб., 1858—1863.

¹² Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького, № 384-б.

¹³ При жизни С. Дестуниса была издана только одна часть его перевода-описания посольства к Атилле (ЖМНП, № 2, 1842). Остальные части были опубликованы уже Г. С. Дестунисом под названием «Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом» (СПб., 1861). Несколько позже им был исправлен, продолжен и издан перевод большей части «Истории войн» Прокопия.

¹⁴ ЖМНП, ч. XXXII, отд. II, 1841, стр. 69—90.

¹⁵ Очерки, т. I, стр. 494.

¹⁶ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 248.

¹⁷ Там же, стр. 221—228.

¹⁸ История Академии наук СССР, т. II, стр. 195.

¹⁹ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 221.

²⁰ Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Очерки по античной историографии, вып. 1, Л., 1967, стр. 112.

²¹ Г. С. Дестунис. Михаил Семенович Куторга. Воспоминания и очерки. ЖМНП, ч. ССXI—VI, 1886, стр. 3—14.

²² В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России, ч. II. Л., 1931, стр. 84, 100.

²³ Э. Д. Фролов. Русская историография античности, стр. 133. См. также: Г. Л. Курбатов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете. Сб. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», изд. ЛГУ, 1969, стр. 135—137.

щественно к письменным литературным источникам. С именем Куторги связано и развитие интереса к изучению византийских источников, памятников византийской литературы.²⁴ К нему восходит зарождение университетской византистики.²⁵ Г. С. Дестунис с большим почтением и уважением относился к М. С. Куторге,²⁶ и между Куторгой и семейством Дестунисов установились тесные дружеские связи.²⁷

В 1838 г. Г. С. Дестунис окончил факультет со степенью кандидата и по предложению ставшего к тому времени профессором Куторги был рекомендован для отправки за границу для продолжения обучения. Но обострение хронической болезни нарушило все планы, и около 8 лет он был лишен возможности активно работать. Два года, проведенные им в Греции (1845—1847), несколько укрепили его здоровье и оказали большое влияние на формирование его интересов. История «прошлой культуры», возрождавшейся в Греции «в ее связи с современностью», стала главным объектом его изучения. Именно в эти годы Дестунис профессионально ознакомился с современным состоянием важнейших памятников Греции, их историей, народным языком и культурой, установил тесные связи с крупнейшими научными обществами Греции. Как писал В. Г. Васильевский, «с 1848 г. он не переставал заниматься греческим миром, присоединив к периоду классическому изучение византийской и новой Греции».²⁸

По возвращении, с 1848 г. Г. С. Дестунис начинает службу в качестве греческого переводчика в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а с 1850 г. и преподавание новогреческого языка в том же Азиатском департаменте, а затем и всеобщей и русской истории в Александровском и Павловском институтах.²⁹

Первые научные труды Дестуниса относятся к 1850 г.³⁰ Приблизительно с середины 50-х годов начинается его активное сотрудничество с различными учреждениями и комиссиями Академии наук. В это время им был подготовлен ряд византиноведческих изданий: «Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских... Греческий текст и русский перевод, с историческим введением и картой Эпира и Фессалии в XIV веке»,³¹ «Ватопедский список Птолемеевой географии»,³² «Материалы для рассмотрения вопроса о следах славянства в нынешнем греческом языке»,³³ была продолжена работа по подготовке

²⁴ Э. Д. Фролов. Русская историография античности, стр. 136; Г. Л. Курба-тов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения, стр. 137.

²⁵ Э. Д. Фролов (Русская историография античности, стр. 136) писал, что «к Куторге, как к единому источнику, восходит целый ряд родственных течений — не только в науке об античности, но и в медиевистике, и в византиноведении».

²⁶ Г. С. Дестунис. Михаил Семенович Куторга, стр. 3—14.

²⁷ С. Ю. Дестунис «перевел на греческий язык „Историю Афинского государства“ Куторги». Справка оп. 195-а Рукоп. отдела ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 3. Как видно из переписки М. К. Куторги и Г. С. Дестуниса (например, письмо Куторги в Собрании сочинений М. С. Куторги, т. I, М., 1894, стр. VII), дружеские отношения и обмен научными мнениями между ними продолжались до самой смерти Куторги.

²⁸ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—67. Именно к этому времени относятся его первые статьи историко-культурного характера о современной Греции (например, «Прогоулка по Акрополю» [1848]), опубликованные в разных периодических изданиях.

²⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 1 об.

³⁰ Там же, л. 37.

³¹ Отдельное издание Академии наук (СПб., 1858).

³² Изв. Арх. общества, т. II, 1859.

³³ Прибавления к «Известиям» Академии наук 1858—1860 гг.; черновой материал «Живые остатки византийской терминологии» см.: Архив АН СССР, ф. 733, оп. 1, ед. хр. 50.

изданий переводов Дестуниса-старшего.³⁴ К 50-м годам относятся и его первые этнографо-исторические работы.³⁵

С этого времени устанавливаются тесные научные контакты Г. С. Дестуниса с видным ученым, сыгравшим немалую роль в развитии русского византиноведения, академиком А. А. Куником.³⁶ Филолог, уделявший немало внимания разысканию и изучению византийских рукописей, проблемам хронологии, отчасти византийско-русским отношениям,³⁷ Куник был одним из тех влиятельных ученых, кто в 50-е годы активно ратовал за развитие изучения византийской истории. Произнесенный им в 1853 г. на собрании Академии наук доклад «Почему Византия доныне остается загадкой во всеобщей истории?»³⁸ имел широкий общественный резонанс и свидетельствовал не только об энтузиазме ученого, но и суммировал назревшую необходимость специального обращения к собственно истории Византии. По признанию многих византинистов следующего поколения, доклад Куника оказал немалое влияние, и частично ему В. Г. Васильевский был обязан развитием своего интереса к Византии.³⁹ Переписка Дестуниса с Куником показывает, что уже в 50-е годы между ними устанавливается активное сотрудничество в изучении и комментировании византийских памятников.⁴⁰ В эти годы складывается благоприятная обстановка для развития византиноведческих штудий и в университете. Она была во многом связана с быстрым подъемом славянской филологии, деятельностью выдающегося исследователя славянской литературы И. И. Срезневского, глубоко понимавшего значение изучения византийской литературы, сравнительного изучения памятников и их переводов.⁴¹

С 1852 г. в университете развернулась и деятельность историка-эллиниста, постепенно углублявшегося в средневековую тематику, М. М. Стасюлевича, который читал в университете историю средних веков и значительное внимание уделял византийской проблематике.⁴²

К этому времени относится и начало работы в университете будущего крупного исследователя-слависта В. И. Ламанского, подготавливавшего

³⁴ Сказания Приска Панийского. Пер. с греч. С. Дестуниса, с крит. предисловием и прим. Г. Дестуниса. Уч. зап. Отд. Академии наук, кн. VI, СПб., 1860; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менадор, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греч. С. Ю. Дестунином.

³⁵ О нынешнем положении Греции и греков (статья), Очерк Клефского быта (Вестн. Географ. общ., 1854), Извлечения из Ганова описания Албании (Вестн. Географ. общ., 1855), Очерки Константинополя (Вестн. Географ. общ., 1857, № 1 и 2); Археологические раскопки в Афинах в 1858 г. (Изв. Арх. общ., т. II, 1859); ряд статей по развитию образования и культуры Греции: Афинский университет в 1854—1855 гг. (ЖМНП, 1856, № 2); Отчет греческого министра народного просвещения о ходе образования в средних учебных заведениях в Греции 1829—1855 гг. (ЖМНП, 1856, № 2), Отчет о состоянии народного просвещения в Греции 1855—1856 гг. (ЖМНП, 1857, № 9).

³⁶ Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения, стр. 116.

³⁷ История Академии наук СССР, т. II, стр. 444; В. Г. Васильевский. А. А. Куник. (Некролог). Визант. временник, т. IV, 1899; М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. Визант. временник, т. VIII, 1956, стр. 9.

³⁸ Уч. зап. Академии наук по I и II отд., т. II, СПб., 1853.

³⁹ В. Г. Васильевский. Византийский временник за пять лет (1894—1898). ЖМНП, ч. СССXXII, 1899, стр. 133—134.

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 319.

⁴¹ См., например: И. Срезневский. Христианская топография Козьмы Индикоплова. Сравнение славянского перевода с греческим подлинником по содержанию. Зап. Академии наук, т. 9, прилож. 3, СПб., 1866.

⁴² Уже в 1854 г. он напечатал общую работу «Осада и взятие Византии турками». На своих специальных занятиях он также касался византийской тематики. Так, в «1858—59 гг. — разбирал сочинения Лютпранда „Де легатионе Константинополитана“, в 1858—59 гг. — „Ассизы Иерусалимского Королевства“» (В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 220—221).

в конце 50-х годов магистерскую диссертацию по теме «Славяне в Малой Азии, Африке и Испании». ⁴³

Заметный подъем интереса к литературе, культуре и истории Византии позволил Г. С. Дестунису при полной поддержке М. С. Куторги в 1859 г. обратиться в университет с предложением организовать кафедру византийских древностей и литературы и новогреческого языка. ⁴⁴ Это предложение было рассмотрено советом. До нас дошло заключение совета историко-филологического факультета от 18 января 1860 г., которое интересно как с точки зрения уяснения общего отношения к византиноведческим занятиям, так и конкретно к предложению Дестуниса. В решении отмечено значение изучения «политической и литературной истории Византии (курсив наш, — Г. К.) по источникам», важность ее для решения «многих задач ... древней русской истории», «древней славянской и русской литературы», необходимость изучения «также и языка греко-византийского». ⁴⁵ На этом основании совет счел нужным ходатайствовать о создании предложенной Г. С. Дестунисом кафедры и привлечении его к работе в университете как человека, «приобретшего уважение своими научными трудами по части византийской истории и литературы».

В марте 1860 г. было принято решение создать кафедру византийских древностей и литературы ⁴⁶ и ввести преподавание новогреческого языка, поручив чтение этих предметов Г. С. Дестунису. ⁴⁷ Хотя в ряде документов и говорится о кафедре, практически, как видно из материалов факультета, было разрешено преподавание новогреческого языка и византийских древностей и литературы одному Г. С. Дестунису, к которому практически и свелась вся «кафедра». ⁴⁸ 23 сентября 1860 г. им была прочитана первая «вступительная» лекция «О значении византийской образованности», ⁴⁹ а в течение 1860/61 г. — значительная часть разработанного им курса византийских древностей и литературы. ⁵⁰ Однако Дестунису не удалось тогда развернуть преподавание предложенных им предметов. ⁵¹ «Начатые

⁴³ СПб., 1859.

⁴⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 11—12 об.

⁴⁵ Там же, л. 13—13 об.

⁴⁶ Там же, л. 3 об., 16.

⁴⁷ До 1845 г. (до своего ухода из университета) его вел проф. Мухлинский. Возобновлено в 1860 г. Г. С. Дестунисом.

⁴⁸ Ср.: В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 248; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения, III, стр. 382—383; Университетский отчет за 1860 г., стр. 16—17.

⁴⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 24.

⁵⁰ Хотя имеющийся в Рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина курс лекций Г. С. Дестуниса 1860/61 г. и обозначен как «Лекции по истории Византии» (ф. 250, ед. хр. 232), фактически это лекции по византийским древностям. Г. С. Дестунис отмечал, что он «преподает два предмета: древности и литературу византийскую и новогреческий язык». Дестунис предполагал наряду с лекциями вести практические занятия по чтению «текстов писателей и законов», причем в 1860/61 г. только по «первому периоду» — от Константина до Ираклия (ф. 250, ед. хр. 232, л. 89—90). Составленный им план курса носит явно культурно-исторический характер (Отдел I. Обзорные состояния народов; Отдел II. Состояние государства; Отдел III. Состояние церкви; Отдел IV. Состояние словесности; Отдел V. Состояние искусства и т. д.). Сохранившиеся лекции этого курса показывают, что значительную часть его Дестунис посвятил историко-этнографическому обзору племен и народностей, проникших на территорию империи, выявлению «их сохранившихся остатков» в языке и культуре. Политическая история Византии затрагивается им крайне бегло, в той мере, в какой это было необходимо для уяснения влияния на развитие эллинской культуры, ее трансформации в византийскую, христианскую, сочетавшую «эллинскую культуру с христианством» (см. лекции X—XV). Сравнение лекций этого курса с курсом, озаглавленным «Византийские древности», показывает, что принципиальных различий между ними нет, скорее его курс 1860/61 г. можно рассматривать как предварительную заготовку последующего курса «Византийских древностей».

⁵¹ На полях записи курса 1860/61 г. (л. 94) приписка: «Успел в течение курса 1860—61 г. прочитать 3 отдела с половиной и именно в отделе о Словесности только об историках (Обдумать это разделение для курса 1864—5.5 сент. 64)».

в 1860/61 году чтения Дестуниса... с закрытием Университета в 1861 г. прекратились».⁵² Как известно, университет был закрыт два года (до 1863 г.), и преподавание Дестуниса, по-видимому, возобновилось не ранее 1864 г. Во всяком случае только в августе 1864 г. Советом университета было направлено попечителю учебного округа письмо историко-филологического факультета, в котором обращалось внимание «на важность преподавания византийских древностей» и на то, что «по случаю закрытия СПб. Университета и введения затем в действие нового университетского устава преподавание этого предмета было прекращено».⁵³ Не поднимая вопроса о восстановлении кафедры, которой фактически не было,⁵⁴ факультет ходатайствовал о привлечении «известного ученого Г. Дестуниса» приват-доцентом «по византийским древностям».⁵⁵

Таким образом, преподавание Г. С. Дестуниса возобновилось в 1864 г., когда он, безвозмездно читавший свои курсы в 1860/61 г., был зачислен штатным приват-доцентом.⁵⁶ «В историко-филологический факультет по кафедре греческой словесности принят был доцентом с января 1864 г. магистр К. А. Люгебиль; для чтения Византийских древностей приглашен с 1864—65 учебного года в качестве приват-доцента Г. С. Дестунис».⁵⁷

Неизвестно, долго ли длилась преподавательская деятельность Дестуниса в 1864/65 г., ибо сохранились официальные документы о том, что в 1865 г. он по состоянию здоровья уволился из университета.⁵⁸ Однако, судя по факультетскому расписанию, уже в 1866 г. он снова читал «Византийские древности» на 1—2-м курсах.⁵⁹

Сохранившаяся программа и записи курса византийских древностей, читанного Дестунисом в 1864/65 г., интересны как с точки зрения выяснения его принципиальных научных взглядов, так и содержания этого курса, в том или ином виде несколько раз прочитанного им и прослушанного большей частью будущих ведущих византистов 70—90-х годов. Хотя Дестунис и этот курс ограничил рамками IV—VII вв., его вводная лекция носила более широкий программный характер. В первой ее части он подробно рассматривает «зачем нужна Византия» для изучения русской старины, прослеживает основные пути и формы влияния Византии на развитие древнерусского общества и на фоне этого показывает значение изучения всей культуры Византии для понимания древней русской истории. Причем здесь обращает на себя внимание упор на необходимость более глубокого изучения данных истории языка (старых «языковых остатков» — Sprachreste) в современном новогреческом языке, исторических данных этнографии и археологии, т. е. того нового, что в целом существенно дополняло и обогащало в первой половине—середине XIX в. использовавшийся ранее материал.

⁵² В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 248. В этом месте В. В. Григорьев ссылается на, видимо, не сохранившуюся записку Г. С. Дестуниса.

⁵³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 29.

⁵⁴ Уставом 1863 г. на юридическом факультете была создана кафедра византийского права (В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 326).

⁵⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 29, 30.

⁵⁶ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 67; ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 4 об., 5 об.

⁵⁷ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 328.

⁵⁸ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 5 об., л. 43.

⁵⁹ Там же, л. 44; в списке его трудов 1867 г. упоминаются «О Византии» курсы 1860/61 и 1864/65 гг. (там же, л. 51); в фонде С. Ю. Дестуниса Рукоп. отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 250) сохранились писарские записи лекций Г. С. Дестуниса по истории Византии, датируемые 1860 г. (ед. хр. 232), византийским древностям—1864 г. (ед. хр. 233) и автографический курс лекций по византийской литературе 1870/71 г. (ед. хр. 234), а также программы и конспекты этих курсов 1870/71 г. (ед. хр. 235).

Второй пункт программы Дестуниса — проблема «отношений Византии с западноевропейским миром», сопоставление путей их развития. Хотя и ее он рассматривает преимущественно в плане культурных отношений, бесспорно важен его подход с позиции признания определенного единства развития Запада и Востока, требование изучения их взаимосвязи и взаимовлияния, а не механического разделения и противопоставления их исторических судеб. Он резко выступает против представлений о коренной противоположности западной и восточной истории: «Многим кажется, что народы и государства, не пережившие борьбы феодализма с городскими общинами или борьбы императорской власти с папской и не принадлежат к Европе». ⁶⁰ Здесь же Дестунис конкретно показывает культурное влияние Византии на развитие Западной Европы. Такой подход бесспорно не мог не оказать положительного влияния на взгляды византинистов следующего поколения. Возможно, что столь характерное для научного творчества Васильевского глубокое понимание единства исторического процесса, позволившее ему тесно связать историю Византии с историей Запада и Востока и впервые показать ее подлинное мировое значение, частично восходит и ко взглядам и влиянию Дестуниса, лекции которого он слушал, будучи студентом.

И последняя программная установка Дестуниса, в полной мере раскрывающая характер и специфическую направленность его курса, — это задачи изучения Византии «как звена, связывающего Грецию классическую с Грецией освобожденной». ⁶¹ В центре его внимания, хотя и подспудно, лежит познание современной Греции, ее общества и культуры, ее истории. Образование и становление независимой Греции естественно привлекало большое внимание к ее предшествующей истории. Изучение ближайшего средневекового прошлого поднимало значение изучения византийского материала. Развернувшиеся раскопки, изучение этнографических данных, памятников средневековой греческой культуры, литературы, истории и развития языка, памятников средневековой Греции — все это давало новый материал и для изучения собственно византийской истории. В обращении к этому материалу, его использовании, привлечении к нему внимания следующего поколения исследователей — большая заслуга Дестуниса. Не только своими лекциями, но и научными трудами, в том числе и переводами, в комментариях и приложениях к которым он обращал большое внимание на сохранившиеся византийские памятники, изучением того, что археологический материал мог дать для понимания письменных источников, Г. С. Дестунис сыграл немалую роль в распространении понимания значения византийской археологии, а тем самым и подготовке условий для ее возникновения.

В своих лекциях Дестунис подробно объясняет, что он понимает под «древностями» и на каком материале строит свой курс. Его понимание древностей включало широкий комплекс старого и нового историко-этнографического материала (с него он и начинает): данных истории языка, быта, устройства, права, литературы, науки, искусства, археологии. Большую часть его лекций составляют историко-этнографические обзоры народов Балканского полуострова (например, лекция 20 ноября 1864 г., посвященная албанцам (л. 88—101) и др.).

Можно сказать, что лекции Г. С. Дестуниса давали известное представление об основах культурно-политической истории Византии, однако главным образом они подготавливали слушателей к осмысленным занятиям новогреческим языком, чтению византийской и новогреческой литературы, раскрывали культурное значение Византии в истории Европы.

⁶⁰ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 233, л. 25 об.

⁶¹ Там же, л. 2 об.

Беспорная заслуга Дестуниса перед последующей русской византинистической заключается в том, что он обратил внимание на значение изучения среднегреческого языка, византийских памятников, средневековой терминологии. В этом отношении его подготовительная роль для русского византиноведения была очень велика, как и его непосредственное влияние на подготовку следующего поколения русских византинистов.⁶²

В то же время изучение содержания курсов Дестуниса показывает, что его интерес к собственно истории Византии (политической и тем более социально-экономической) был весьма ограниченным, как и понимание основных проблем и методов исторического исследования. Это видно и из краткого конспекта его лекций по Византии «до возрождения Греции».⁶³ Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что у нас нет сведений о реализации пожелания Дестуниса в 1867 г. (когда было разделено чтение основного курса по древней и средневековой истории) «допустить» его к чтению «всей истории византийской от начала до взятия Константинополя турками, притом, чтобы курс, составляя часть истории средних веков и представляя отношение Византии к миру славянскому, западноевропейскому и восточному, входил в число предметов, обязательных».⁶⁴ Разработка исторического курса, как видно из лекционных исторических экскурсов Дестуниса, на уровне научных требований конца 60-х годов была ему не по силам в связи с недостаточной специальной подготовкой в этой области, отсутствием глубокого интереса к историческим проблемам. Сыграв свою роль в 60-е годы, когда в России только складывались основы для возникновения византиноведения как самостоятельной области исторической науки, общие культурно-исторические курсы Дестуниса, рассматривавшего Византию преимущественно как связующее звено между античной и новой Грецией, к 70-м годам, когда все более явственной становилась необходимость специального научного изучения собственно истории Византии, уже не удовлетворяли задачам дальнейшего развития науки. Дестунис справедливо более принадлежит к нашей истории изучения византийской филологии и культуры, чем собственно и более широко — истории Византии.⁶⁵ Если между преподаванием и деятельностью Дестуниса в университете и Васильевского мы видим некоторые связующие их линии, то еще отчетливее видна огромная разница между ними.⁶⁶

Глубокое научное освещение основных проблем истории Византии и первые исторические курсы в университете по Византии бесспорно начинаются с В. Г. Васильевского.⁶⁷

Углублению чисто византиноведческих исследований Г. С. Дестуниса в конце 60-х годов не благоприятствовали как его «классические» интересы, так и рост его прямых обязанностей по кафедре греческой словесности. Приобретший к этому времени известность своими трудами и переводами,⁶⁸ Г. С. Дестунис по совокупности ученых заслуг в 1866 г.

⁶² В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—69.

⁶³ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 235.

⁶⁴ Там же, л. 5.

⁶⁵ З. В. Удальцова. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR, Berliner Byzantinische Arbeiten, B. 14, Berlin, 1959, S. 4—7.

⁶⁶ В. Г. Васильевский преимущественно квалифицирует Дестуниса как «ученого филолога» (Визант. временник, т. II, стр. 316 сл.), а не историка. Однако, признавая огромное «подготовительное» значение его деятельности, его общий широкий культурно-исторический интерес к Византии, то, что Г. С. Дестунис более постоянно, чем другие, занимался византийской проблематикой (хотя и в ограниченной области), он имел известные основания характеризовать Дестуниса как «патриарха византийских занятий в России» (Византийский временник за пять лет, стр. 141).

⁶⁷ Г. Л. Курбатов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения, стр. 136.

⁶⁸ В 1862 г. вышел I том «Истории войн» Прокопия Кесарийского (СПб., 1862). Очевидно, в связи с занятиями в университете Дестунис перевел 50 греческих патриарших грамот, «относящихся к истории России и славян», и «Беседы Фотия о набегах».

был избран доктором⁶⁹ и после ухода проф. И. Б. Штеймана стал профессором этой кафедры.⁷⁰ Как видно из документации факультета, в нагрузке Дестуниса все больше начинает преобладать классическая филология — объяснение греческих классиков, история греческой классической литературы, отвлекавшие его от византиноведческих занятий. В связи с перегрузкой он с 1867 г. прекратил чтение курса по византийским древностям,⁷¹ хотя в дальнейшем иногда и читал курсы по византийской литературе. Как справедливо отметил В. Г. Васильевский, Дестунис оставался прежде всего филологом и «преподавание его имело предметом объяснение греческих классиков (общие и частные курсы), историю классической литературы, а по временам к этим предметам он присоединял и византийские».⁷² В 70-е годы основным византиноведческим курсом, который на факультете читал Дестунис, был курс византийской литературы. Сохранилась запись его лекций по истории византийской литературы 1870/1871 г.⁷³ Курс построен в принципе по тому же плану, что и рассмотренный выше курс византийских древностей, но с большим упором на язык, литературу, характер и издания памятников литературы. Первая половина курса носила общий характер: вводная лекция — «Византийская образованность, язык, христианство и язычество», затем «Государство», «Церковь», «Литература», «Язык» (в том числе и новогреческий в связи со среднегреческим), «Остатки древнего эллинизма в преданиях». Значительное место в курсе занимал обзор языческой и христианской литературы I—III и IV вв., затем, с начала 1871 г., Дестунис стал давать обзор источников, начав его с обзора рукописей и их изданий до 1871 г.⁷⁴

С 70-х годов в университете разворачиваются византиноведческие занятия В. Г. Васильевского: сначала в общих курсах по истории средних веков, а затем и в виде специальных курсов по истории Византии, византийско-русских отношений, его семинарских занятий на источниках⁷⁵ по истории Византии. Выдающийся мастер глубокого исторического исследования, он первый организовал систематическую подготовку византинистов, последовательную систему курсов, специальных курсов и семинаров по истории Византии.⁷⁶

Руси на Царьград» (ГИАЛО, ф. 14, оп. I, д. 6068, л. 51 и др.). См. список опубликованных и неопубликованных трудов Г. С. Дестуниса: ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 49—51.

⁶⁹ В 1865 г. ему была присуждена степень доктора греческой словесности (на основании примечания к § 113 устава университета 1863 г.).

⁷⁰ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 328.

⁷¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 46; так, в 1867 г. Дестунис читал со студентами 1—2-го курсов Фукидида, студентам 3—4-го курсов — историю греческой литературы (там же, л. 68).

⁷² В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—67; ср. Биографический словарь, стр. 232.

⁷³ Рукоп. отд. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 232.

⁷⁴ Там же, л. 242. В Отделе древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького сохранился каталог части библиотеки Г. С. Дестуниса, переданной им университету и составленный самим дарителем. В вводной части Дестунис особо оговаривает, что и библиотека, и каталог составлены по «постепенному росту новогреческого языка», и просит сохранить ее как комплекс и в последовательности согласно каталогу. (Автор пользуется случаем выразить свою признательность заведующему Отделом древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького А. Х. Горфункелю за содействие в разыскании каталога и других материалов Г. С. Дестуниса).

⁷⁵ И. М. Гревс. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. ЖМНП, 1899, ч. СССХХIV, стр. 55.

⁷⁶ «В С.-Петербургском университете Васильевский насадил византиноведение, до него не существовавшее, создал школу византинистов» (П. В. Безобразов В. Г. Васильевский. Визант. временник, VI, 1899, стр. 651).

Тем не менее большой заслугой Дестуниса было то, что он начал в 60-е годы на факультете чтение первого в истории нашего университетского преподавания византийского курса — курса византийских древностей,⁷⁷ начал читать со студентами византийские источники.⁷⁸ Известно, что лекции его пользовались популярностью и в представлении факультета отмечалось, что он «привлекал к себе слушателей, несмотря на специальность своих курсов».⁷⁹ Бесспорно, его курсы и занятия сыграли немалую роль в развитии интереса к византийской тематике, в том числе и исторической.⁸⁰ И в этом смысле деятельность В. Г. Васильевского в университете была во многом подготовлена и облегчена той первичной обработкой «почвы», которую осуществил Дестунис. Как справедливо отмечал Ф. И. Успенский, «прежде всего византийские занятия начали приобретать место в университетском преподавании».⁸¹

Оценивая интерес к занятиям и ученой деятельности Дестуниса и его значение в 60-е годы, уместно привести характеристику факультета: «Нельзя забыть обстоятельства, дающего Г. Дестунису особенное значение в мире ученых — знание древнегреческого языка соединяется в нем со знанием языка Византийского и Новогреческого, Византийских древностей, греческой этнографии, греческого языка, литературы и народной поэзии».⁸² Все это обеспечило известную популярность его лекций среди слушателей.⁸³ В 60—70-х годах Дестунис был руководителем, консультантом и оппонентом многих будущих византинистов, одним из активных участников обсуждений всех первых значительных византиноведческих работ на совете историко-филологического факультета.⁸⁴ Он был не только одним из консультантов, но и оппонентом магистерской диссертации В. Г. Васильевского.⁸⁵

Хотя Ф. И. Успенский и дает не особенно высокую оценку Дестунису,⁸⁶ тем не менее он принимает значимость его университетской деятельности и в 70—80-е годы. Он пишет, что в самом начале становления университетской византистики «Васильевский не был одинок в университете ... профессор Дестунис не только сочувствовал Васильевскому, но и сам принимал участие в занятиях по Византии».⁸⁷ Хотя в 70-е годы его занятия в университете имели уже вспомогательное значение, тем не менее не приходится отрицать их известную роль в общей подготовке следующих поколений византинистов.

У Г. С. Дестуниса учился Ф. И. Успенский,⁸⁸ византинисты, вышед-

⁷⁷ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 67.

⁷⁸ Нам неизвестно, занимались ли с ним студенты переводом византийского законодательства, как он намечал, но несомненно работали над текстами ранневизантийских историков и, возможно, «Беседами Фотия».

⁷⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 52 об., ср. л. 30.

⁸⁰ Среди тем на соискание медалей на 1867—1868 гг. по кафедре греческой словесности были выдвинуты и в достаточной мере «исторические» темы: «Рассмотреть в общих чертах значение слова *ἄμμος* у Прокопия и подробно, по Прокопию же, разобрать это слово в смысле партий иподрома» (В. В. Грингорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. LXV). На эту тему писали работы несколько человек, трое из них были удостоены медалей (там же, стр. LXX).

⁸¹ Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения, стр. 117.

⁸² ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 53.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, оп. 3, д. 16019.

⁸⁵ Там же, л. 3.

⁸⁶ Ф. И. Успенский упрекает Дестуниса в том, что он имел «недостаточную филологическую подготовку для греческого языка» (Петербургский университет в 1867—1877 гг. (по воспоминаниям студента). Дела и дни, истор. журнал, 1940, кн. 1, стр. 169).

⁸⁷ Там же, стр. 117.

⁸⁸ По-видимому, Успенский слушал его курс и сдавал ему кандидатские экзамены по истории византийской литературы (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 16019, л. 23—24). Дестунис был его оппонентом и по магистерской диссертации (там же, л. 65).

шие из школы Васильевского: В. Э. Регель, Д. Ф. Беляев, В. К. Ернштедт.⁸⁹ Особенно велико было, по-видимому, его влияние на Д. Ф. Беляева. До нас дошли правленные рукой Дестуниса записи его лекций студента Беляева.⁹⁰ Направление работ последнего по византийским древностям в Константинополе в известной мере являлось продолжением и развитием того, чем занимался в этой области Дестунис.⁹¹

«Выбранный в 1879 г. еще на пятилетие, Дестунис не мог воспользоваться этими предоставленными ему правами и через несколько месяцев должен был отказаться от преподавания вследствие хронической болезни».⁹² Однако, как видно из протоколов заседаний факультета, он принимал активное участие в заседаниях совета, обсуждении византиноведческих исследований, продолжал интенсивную научную работу. В 1876, 1880, 1891 гг. выходят следующие тома «Истории» Прокопия в «Записках» историко-филологического факультета (ч. 1, 6 и 28) и отдельным изданием. Им было обнаружено и опубликовано ряд новых византийских средневековых памятников.⁹³ В эти же годы Г. С. Дестунис продолжает работать над изучением византийских памятников Константинополя.⁹⁴ Его переписка с виднейшими русскими византинистами 80—90-х годов показывает, насколько велики были его научные связи, значение его консультационной деятельности, особенно в вопросах толкования текстов, терминологии источников.⁹⁵

Г. С. Дестунис был одним из горячих поборников создания специального византиноведческого журнала в России. В письмах Ф. И. Успенскому он выражал радость по поводу выхода византиноведческих сборников, видел во II выпуске «Историко-филологической летописи» первую попытку «Византийского в Европе периодического издания».⁹⁶ Дестунис участвовал и в подготовке к изданию первого тома «Византийского временника», где было помещено его исследование,⁹⁷ постоянно сотрудничал в «Православном палестинском сборнике», где опубликовал много важных византийских источников.

По совокупности ученых заслуг Дестунис в 1894 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. К числу последних трудов Десту-

⁸⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 16019.

⁹⁰ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 234, л. 179 и др.; С. П. Шестаков (Д. Ф. Беляев. Некролог. ЖМНП, ч. СССXXX—VI, 1909, стр. 9) пишет, что Беляев занимался в университете под руководством Г. С. Дестуниса.

⁹¹ Д. Ф. Беляев. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, кн. 1. СПб., 1891.

⁹² Биографический словарь..., т. 1, 1896, стр. 232—233.

⁹³ Например, постановление историко-филологического факультета от 1881 г. о публикации работы Г. С. Дестуниса «Взятие Афин. Перевод неизданной греческой рукописи с предисловием и примечаниями» (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 16019, л. 143); «Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи (издана на греческом языке по рукописи Имп. Публ. Библиотеки № 202 с русским переводом)». СПб., 1877; «О Ксанфине. Греческие трапезундские былины византийской эпохи». СПб., 1881; «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Опыт переводного и объяснительного сборника». СПб., 1883; «Русские и путешествия по св. местам Даниила митрополита Ефесского». Издание с русским переводом и объяснением. ППС, вып. VIII, СПб., 1884.

⁹⁴ Топография средневекового Константинополя (по данным середины XVI—конца XVIII в.). ЖМНП, 1882, январь; «Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя». Труды VI археол. съезда, т. III, Одесса, 1887.

⁹⁵ В Архиве ЛОИИ СССР АН СССР сохранился (на карточках) рукописный этимологический словарь Г. С. Дестуниса с его многочисленными приписками и дополнениями. (Автор настоящей работы выражает свою признательность научному сотруднику ЛОИИ И. П. Медведеву за указание на существование этого словаря).

⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 116, оп. 2, ед. хр. 104, л. 11—12.

⁹⁷ Г. С. Дестунис. Заметки по тексту Феофанова Временника. Визант. временник, I, 1894, стр. 307—318.

ниса относится его исследование о Франдзи, о работе над которым он упоминает в письмах к Успенскому, и статья об Агафии для «Записок» Одесского общества.⁹⁸

Умер он 19 марта 1895 г., когда русская школа научного византиноведения набирала силу и занимала уже почетное место в мировой византиноведческой науке.

G. Kurbatov

DE L'HISTOIRE DE LA FORMATION DE L'ÉCOLE RUSSE DE BYZANTINOLOGIE

(G. S. Destounis)

La formation et floraison vite de l'école scientifique de byzantinologie russe aux 70—90 de XIX s. (V. G. Vasilievskij, F. I. Ouspenskij, N. P. Kondakov etc.) avait comme une base solide l'activité dans le domaine de byzantinologie des plusieurs savants de l'époque précédente. Cet article, fondé sur les matériaux des archives de Léningrad, jusqu'à present mal connus, est consacré à l'activité, notamment universitaire, de G. S. Destounis, qui a joué un rôle considérable dans le développement des études de la littérature byzantine dans l'Université de St.-Pétersbourg, le rôle en quelques parts préparatrice pour transition de V. G. Vasilievskij à l'étude approfondie et spécialisée de l'histoire interne de Byzance et pour le développement de la byzantinologie russe.

⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 116, оп. 2, ед. хр. 104, л. 15—16; Г. С. Дестунис. Опыт биографии Георгия Франдзия. ЖМНП, ч. CCLXXVII, 1893, стр. 427.